

МЕТОДОЛОГИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ

METHODOLOGY OF THE CULTUROLOGICAL APPROACH IN THE STUDY OF ETHNOCULTURAL PHENOMENA

*M. Arefyev
A. Zykin*

Summary: The present work is devoted to the analysis of the culturological approach methodology and the axiological paradigm, which are used to analyze the cultural, economic, household and educational activities of the Spiritual missions of the Russian Orthodox Church. It is noted that this approach is the leading one for the theoretical and methodological development of the cultural analysis problem of the Russian ethnic cultures phenomena on the example of the Siberian region, this approach is based on a set of methodological techniques that are applicable to the study of any sphere of spiritual, material and artistic culture through the prism of fundamental concepts of cultural studies ("culture", "norms and values of culture", "cultural activity", "ethnic and national cultures").

Keywords: culturological approach, Spiritual mission, method, methodology, missionary activity.

Арефьев Михаил Анатольевич

*Д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный аграрный университет
(г. Санкт-Петербург)
ant-daga@mail.ru*

Зыкин Алексей Владимирович

*Д.культурологии, доцент, Санкт-Петербургский
государственный аграрный университет
zykinalex@mail.ru*

Аннотация: Настоящая работа посвящена анализу методологии культурологического подхода и аксиологической парадигмы, которая применяется для анализа культуротворческой, хозяйственно-бытовой и образовательной деятельности Духовных миссий Русской Православной Церкви. Отмечается, что данный подход является ведущим для теоретико-методологической разработки проблемы культурологического анализа феноменов российских этнических культур на примере Сибирского региона. В основе данного подхода лежит совокупность методологических приемов, которые применимы к исследованию любой сферы духовной, материальной и художественной культуры через призму фундаментальных понятий культурологии («культура», «нормы и ценности культуры», «культурная деятельность», «этнические и национальные культуры»).

Ключевые слова: культурологический подход, Духовная миссия, метод, методология, миссионерская деятельность.

В семидесятых годах прошлого столетия в рамках господства советской философии как единства диалектического и исторического материализма было издано энциклопедическое сочинение по логике Н.И. Кондакова. «Изюминкой» этой работы известного советского логика было то, что она излагала законы и правила традиционной логики, «элементарные основы математической логики» и краткую историю основных логических учений от логики Аристотеля до современной матлогики, но без обязательного в то историческое время «идеологического» сопровождения. Касалось это и характеристик одних из важнейших в истории философской мысли понятий «метод» и «методология». Кондаков пишет, что метод – это «подход к явлениям природы и общества; путь, способ достижения цели, прием теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь, исходящий из знания наиболее общих закономерностей развития объективной действительности и специфических закономерностей исследуемого предмета, явления, процесса. Так, формальная логика есть метод получения нового знания на основе применения законов правильного логического мышления» [7, с. 301]. Для нас в рамках данной исследовательской задачи выявления основ методологии культурологического подхода ключевым является тезис о

«специфических закономерностях» такого явления как этнические культуры России.

Современное энциклопедическое издание также дает определение понятий «метод» и «методология», но уже с определенными интонациями, направленными на особенности общественно-исторической и культурной обусловленности методологии. А.А. Грицанов пишет: «В развитии современной методологии все большее место занимают вопросы, связанные с динамикой познавательных проблем, культурно-исторической природой познавательных средств, изменчивостью категорий и понятий, формированием новых познавательных установок» [2, с. 629]. Поэтому с его точки зрения не состоятельны претензии на существование одной единственной научной методологии, а можно говорить и обосновывать наличие разных исследовательских методологий. В нашей работе это методология культурологического подхода.

В основе данного подхода лежит совокупность методологических приемов, что дают возможность проведения анализа в качестве общенаучного метода, который применим к исследованию любой сферы духовной, материальной и художественной культуры через призму

фундаментальных понятий культурологии («культура», «нормы и ценности культуры», «культурная деятельность», «этнические и национальные культуры»). Культурологический подход, как отмечает Г.И. Гайсина, придает культуре системообразный смысл, поскольку выявляет роль и значение в духовной культуре его ядра как национального сознания, которое аккумулирует национальное самосознание, позволяет установить связь поколений в существовании и развитии этноса [1].

Каковы же эти познавательные установки, позволяющие в своей совокупности говорить о качественной основе культурологического подхода как одного из видов конкретно-научной методологии? Во-первых, это принцип научности, что предполагает проведение соответствующих сфере исследования научных изысканий. Во-вторых, принцип системности, который исходит из представления о культуре как феномене многоуровневом и исключительно сложном. В-третьих, принцип аксиологичности (ценностной ориентации), который ориентирован на удовлетворение как личностных, так и национально-этнических культурных потребностей человека и т.д. Как пишет В.Е. Мочулаев «методологические подходы, гармонично сочетающиеся с культурологическим подходом, могут служить в качестве его основных принципов, которые составляют его сущностную основу» [16, с. 96].

Разумеется данная методология культурологического подхода не свободна от целого ряда теоретических и практических проблем. Об этом пишет коллектив авторов Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств под руководством С.И. Иконниковой. Каковы же эти проблемы: во-первых, это касается установления границ между историей социума и историей культуры; во-вторых: это проблема культурного наследия и возможностями его трансляций как относительно отдельного индивида, так и общества в целом; в-третьих: соотношение культурных универсалий и своеобразием истории и практики этнических культур [20]. Данную теоретико-практическую проблему мы рассмотрим на примере деятельности русских Духовных миссий Российского государства.

Миссионерская работа как феномен духовной жизни общества выступает необходимым и обязательным условием успешной деятельности любой церковной организации. В полной мере это применимо к социальному и духовному творчеству Русской православной церкви, в котором социальная концепция РПЦ занимает достойное место. Сам феномен миссионерства в деятельности РПЦ связан с моментом формирования православной церкви на Древней Руси. Дальнейшее становление и свое естественное развитие он получил в условиях Руси средневековой, но превратился в интеграционный фактор жизни российского общества в позапрошлом – девятнадцатом веке. Этот период можно охарактеризовать

как «золотой век» православного миссионерства, что напрямую связано было с культуротворческой деятельностью православных Духовных миссий в инокультурной среде многочисленных этносов нашего Отечества. Энциклопедический словарь в связи с этим подчеркивает, что «в конце 18 – начале 19 вв. происходит радикальная перестройка миссионерской деятельности РПЦ. Если просветительская деятельность Стефана Пермского (14 в.) и Иннокентия Иркутского (середина 18 в.) была лишь счастливым исключением, то теперь она осуществляется стационарно действующими миссиями (кавказской, сибирской, алтайской, забайкальской и др.). За 1814-1823 гг. богослужения и книги Нового Завета были переведены на татарский, чувашский, мордовский, калмыцкий, карельский и др. языки. Одновременно миссии выполняли важную общекультурную функцию... Миссионерство способствовало социально-культурной и политической интеграции вошедших в состав Российского государства народов, создавало духовно-идеологические предпосылки к укреплению российского многонационального общества» [3, с. 374-375].

Деятельность Духовных миссий РПЦ по своему содержанию была социально-ориентирована, чрезвычайно многообразна и насыщена культуротворческими началами. С учетом природно-географических условий Духовные миссии способствовали налаживанию основ оседлой жизни у кочевых народов на окраинах России, учили основам огородничества и ведению домашнего животноводства у коренных этносов. Другими словами вели многообразную социальную работу в области культуры материальной. Образовательная работа миссионеров по отношению к детям крещенных выходцев из многочисленных коренных этносов в основном заключалась в открытии школ, где обучение велось на национальных языках, что в значительной мере способствовало сохранению и развитию этнических культур страны. Общеизвестно, что язык есть основа духовной культуры этноса, смысл «духа народа» (Гердер). Вместе с тем преподавание и обучение русскому языку детей коренных этносов многонациональной России придавало ему статус языка межнационального общения и вело к возможности обучающихся приобщаться к ценностям русской и мировой культуры. Показательным примером может послужить деятельность Алтайской Духовной миссии среди этносов Западной Сибири (алтайцы, шорцы).

Для шорского этноса наиболее значимым элементом культуротворческой работы Алтайской Духовной миссии в XIX столетии стало широкое распространение грамотности среди инородческого населения. Главным инструментом, который способствовал этому культурному явлению, являлась деятельность миссионерских школ, при которых обязательным моментом была организация библиотечного фонда. Учительство миссионеров-педагогов в конечном счете привело к тому, что из числа местного населения стали формироваться первые

шорские просветители, появились основы шорской национальной интеллигенции как культурного феномена.

Естественно центр культурной деятельности Духовной миссии был направлен на сферу духовности, в данном случае на просвещение в христианско-религиозном смысле, на приобщение к вероучению Русской православной церкви. Миссионер и просветитель Василий Вербицкий с помощью воспитанников миссионерских школ в вероучительной работе среди шорского населения использовал в первую очередь практическую основу православного учения: культовые обряды (крещение, исповедь, брак и др.), а также психологическую и эстетическую стороны православно-церковного богослужения. Храмовая деятельность – важнейшая часть пропаганды христианского учения, вероятно наиболее доступная массовому сознанию и привлекательная своей грандиозной эстетикой. Напомним с этой связи, что важнейшим моментом, который привел к православию Великую княгиню Киевскую Ольгу, была именно эстетика христианского богослужения в Константинополе. А затем все это отразилось и на принятии православной религии Древнерусским государством.

Для большинства новообращенных шорцев сущность христианского учения оставалась непонятной. Так, например, ведущим богом для шорцев считался не Иисус Христос, а Никола Угодник. Христианство, встраиваясь в традиционные представления и верования шорцев, наслаиваясь на них, что формировало своеобразную картину религиозного синкретизма. В мифологии шорцев начинают появляться сюжеты и персонажи из библейских сказаний – Адам, Ноев ковчег и т.д. У новокрещеных шорцев появляется христианская атрибутика: нательные и надмогильные кресты, иконы на деревьях как перед улусами, так и в домах. Однако миссионерам так и не удалось полностью искоренить шаманские верования и обряды. Традиционно шаманы занимали важное место в общественной и культовой жизни, особенно у мрасских шорцев. Одновременно с шаманством существовали прежние дошаманистские родовые промысловые и домашние культы.

Миссионерская работа привела к тому, что новообращенные шорцы часто приурочивали ряд традиционных языческих праздников с характерными для них обрядами к праздникам церковно-православным. Например, в костюмах участников рождественских ряжений были берестяные маски, подобные маскам коча (антропоморфная маска, вырезанная из куска бересты с отверстиями для глаз, рта и носа) или чертей. Одна из фотографий начала XX века запечатлела участника обряда в берестяной маске на лице и в вывернутой наизнанку – наверх мехом – шубе. Точно так же, как это делали русские при колядовании. Весенний праздник испрашивания плодородия гармонично сочетался у шорцев с православной Троицей – одной из центральных фигур которой явля-

лась традиционно почитаемая шорцами береза.

Православная религия и богослужebная деятельность переосмысливались шорцами через призму их восприятия русскими, которые до переселения в Сибирь приурочили ряд своих языческих праздников к христианским. Усть-Анзасскими шорцами, например, живущими на богатой рыбой реке Мрас-Су, очень почитаем Петров день, как и у северорусских рыбаков, которые считали апостола Петра покровителем рыбаков. По свидетельству В.В. Радлова, шорцы христианами были лишь по названию, а «...о христианской вере им было известно лишь то, что надо креститься, осенять себя крестным знаменем, а когда приезжает к ним священник, он дает им всегда причастие кызыл аракы – красную водку» [17].

Наконец, значительное место в миссионерской социально-ориентированной деятельности занимала благотворительная работа, создание приютов для больных и увеченных, организация основ медицинского обслуживания населения. Все это убедительно свидетельствовало в пользу понимания феномена деятельности Духовных миссий как деятельности многогранной. Как пишет академик В.С. Стёпин «деятельность универсальна, в ней могут преобразовываться любые объекты – фрагменты природы, социальные институты, индивиды и состояния их сознания, знаковые объекты, фиксирующие те или иные феномены духовной жизни общества. Различая виды деятельности по их предметам и результатам (продуктам), выделяют материальную (практика) и духовную деятельность... Многообразие проявлений общественной жизни предполагает многообразие видов деятельности» [19, с. 92].

Материальный вид деятельности не менее существенен для жизни социума чем деятельность духовная. И этот аспект также находит свое воплощение в практике Духовных миссий РПЦ. Особенно он значим для второй половины позапрошлого века – времени Александровской модернизации России. Отмена крепостного права в 1861 году и ряд других реформ Александра Освободителя (административная, правовая, земская и др.) привели к стремительной трансформации как отечественной культуры в целом, так и ее локальных форм, касающихся культуры этносов нашей родины. В целом реформы 1860-х годов заложили фундамент рыночных отношений в стране, привели к ее социально-экономической модернизации и вызвали к жизни насущную потребность в технико-производственной сфере. А это в свою очередь привело к освоению новых территорий России, прежде бывших вне поля интересов российской экономики. И здесь деятельность Духовных миссий пересеклась с отечественными модернизационными проектами, способствующими переходу от России аграрной к стране индустриального социума. Подтверждением данного положения может служить география распространения Духовных миссий, которая в значительной мере совпа-

дала с востребованными в производственном и экономическом отношении российскими территориями (Алтайская Духовная миссия и рудные запасы Западной Сибири; Чукотская Духовная миссия на Крайнем Северо-Востоке и потребности меновой торговли; Иркутская Духовная миссия в Восточной Сибири и разработка горнотехнического сырья и т.д.).

Затрагивала деятельность Духовных миссий и решение вопросов сугубо политических, развитие политической и правовой культуры народов Российских окраин. Показательна в этом отношении культурная практика миссий среди народов Кавказа, позволившая покончить с вековой родовой традицией «кровной мести».

Деятельностный метод как один из принципов методологии культурологического подхода к феноменам социальной и культурной жизни наряду с аксиологической (ценностной) парадигмой сегодня является ведущим в социально-философском и культурологическом знании. Он значим так же как основополагающий в культурфилософском плане современных научных исследований [5; 6; 9-13; 15]. Кроме того, он достаточно широко распространен в российской теоретико-социологической мысли. Деятельностный принцип подразумевает положение о том, что в основе человеческого бытия заложена деятельность – целенаправленная, орудийная и продуктивная активность. Орудийный характер означает, что лишь только человек способен превращать природные явления и вещи в систематическое орудие или средство достижения практических целей. Активность продуктивная, в свою очередь, состоит в достижении совершенно новых, творческих результатов в ходе преобразования природы. Все бытие человека, таким образом, есть многообразие форм деятельности. Культура же – это особый способ (технология) деятельности человека. «Понятие технологии в данном случае применяется... в общетеоретическом, обозначая исторически изменяющуюся совокупность приемов, процедур, норм, которые характеризуют уровень и направленность человеческой деятельности в конкретном обществе» [8, с. 181-182]. В качестве примера одного из классических определений культуры в рамках деятельностной методологии приведем формулировку Э.С. Маркаряна, подытоживающую эти рассуждения. По его мнению, культура представляет собой «специфический способ человеческой деятельности, включающий в себя чрезвычайно сложную и многогранную систему внебиологически выработанных механизмов, благодаря которым стимулируется, программируется, координируется и реализуется активность людей в обществе» [14, с. 85]. А эвристический потенциал культурологического подхода к феноменам этнических культур в изучении практической работы

Духовных миссий обладает интегративным качеством, преодолевающим барьеры монодисциплинарных методик и подходов. Задача последних состоит в изучении отдельных явлений, сторон, объектов и форм культуры, поэтому в полной мере к ним применимо определение как методик и техник научного исследования, цель которых «разработка набора процедур, обеспечивающих получение единообразного и достоверного эмпирического (подчеркнуто нами – авт.) материала и его первичную обработку» [21, с. 146].

Лишь в рамках методологии культурологического подхода и использованию ценностной парадигмы, проблемы культуры как совокупности материальных, духовных и художественных ценностей получают не просто междисциплинарное, а интегративное объяснение. Они становятся ключевыми для понимания самого человека – носителя культуры, его жизнедеятельности и сознания, внутреннего духовного мира и мировоззрения [4, с. 157-168]. Человек как высшая социальная ценность представляет собой с одной стороны – продукт культуры и общественных отношений, а, с другой стороны выступает носителем и более того – творцом культуры. Такое понимание человека аксиоматично для культурной антропологии, в полной мере оно разделяется авторами данной работы.

В определении сущности феномена ценностей мы придерживаемся дефиниции профессора П.И. Смирнова. Он пишет: «Слово ценность будет употребляться в его «аристотелевском» смысле, а именно как любое материальное или идеальное явление, **имеющее значение** (выделено нами – авт.) для человека, ради которого он прилагает усилия (т.е. чтобы обладать им, сохранять его и т.д.)» [18, с. 67]. Ценности как материального, так и духовного характера выступают важнейшими стимулами человеческой деятельности. Они характеризуют социальное бытие в целом, а аксиологический принцип есть важнейшее основание методологии культурологического подхода.

В заключении отметим, что в настоящей работе методология культурологического подхода и аксиологическая парадигма используются для, во-первых, выполнения заявленной цели – анализу культуротворческой, хозяйственно-бытовой и образовательной деятельности Духовных миссий РПЦ¹ на территории Российской Империи периода российских модернизационных проектов восемнадцатого, девятнадцатого и начала двадцатого столетий; во-вторых, в качестве теоретико-методологической разработки проблемы культурологического анализа феноменов российских этнических культур на примере Сибирского региона.

1 В работе использованы материалы из Православной Энциклопедии под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла <https://www.pravenc.ru/>

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайсина Г.И. Культурологический подход в теории и практике педагогического образования: автореф. ... дисс. докт. пед. наук: 13.00.08. – М., МПГУ, 2002. – 37 с.
2. Грицанов А.А. Методология / Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный дом, 2003. – С. 628-629.
3. Зув Ю.П. Русская православная церковь / Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедия / Ред. кол.: Мчедлов М.П. и др. – М.: Республика, 2001. – С. 371-376.
4. Зыкин А.В., Арефьев М.А., Бондарев А.В. Интегративный потенциал культурологического подхода в изучении этноязыковых процессов в Южной Сибири // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 3А. – С. 157-168.
5. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1996. – 414 с.
6. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1997. – 204 с.
7. Кондаков Н.И. Логический словарь. – М.: Наука, 1971. – 656 с.
8. Курбатов В.П. Деятельностный подход в культурологии // Вестник КрасГАУ. 2010. № 7 (46). – С. 180-185.
9. Маркарян Э.С. Вопросы системного исследования общества / Э.С. Маркарян. д-р филос. наук. – Москва: Знание, 1972. – 62 с.
10. Маркарян Э.С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Э.С. Маркарян. – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 656 с.
11. Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры / Э.С. Маркарян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973. – 143 с.
12. Маркарян Э.С. О концепции локальных цивилизаций / Э.С. Маркарян. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1962. – 177 с.
13. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры / Э.С. Маркарян. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1969. – 228 с.
14. Маркарян Э.С. Системное исследование человеческой деятельности // Вопр. философии. – 1972. – № 10. – С. 77-86.
15. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: (Логико-методол. анализ) / Э.С. Маркарян. – Москва: Мысль, 1983. – 284 с.
16. Мочулаев В.Е. Понятие и принципы культурологического подхода к проектированию и обновлению программ дополнительного образования детей // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ), №7 (16), 2015. – С. 94-97.
17. Русское географическое общество [Электронный ресурс] / В. Кимеев. – Режим доступа: <http://www.rgo-sib.ru/science/78.htm> Загл. с экрана. (Дата обращения: 10.02.2022)
18. Смирнов П.И. Слово о России: Беседы о российской цивилизации. – СПб.: Химиздат, 2004. – 324 с.
19. Стёпин В.С. Программирующие функции культуры в человеческой жизнедеятельности / Культурогенез и культурное наследие / Науч. ред. и сост. А.В. Бондарев. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – С. 91-121.
20. Теория культуры. Под. ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. – СПб.: Издательство «Питер», 2008. – 592 с.
21. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. – М.: Издательство «Наука», 1978. – 378 с.

© Арефьев Михаил Анатольевич (ant-daga@mail.ru), Зыкин Алексей Владимирович (zykinalex@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»